

**НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ УСТУПКА:
КАНТОВА КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ Х. ГАРВЕ**

А.С. Зильбер¹

Отправным пунктом исследования стало замечание Канта о том, что Гарве в своем сочинении о связи морали с политикой представляет доводы в защиту несправедливых принципов. Признание этих принципов является, по словам Канта, нежелательной уступкой тем, кто склонен ими злоупотреблять. Это суждение я интерпретирую путем детального сопоставления текстов двух трактатов. Я показываю, что сочинение Гарве представляет собой эклектичную попытку сочетать в одной концепции уроки исторического опыта и идеи, почерпнутые в британском эмпиризме и немецком рационализме. Эти идеи сами по себе были объектами критики Канта в его «критический» период. Исследователи сходятся в том, что Гарве оправдывал захватническую политику Фридриха II, полностью отрицал возможность правового состояния в международных отношениях и в целом заслужил репутацию (ультра-)консерватора. С этой точки зрения ведущими ценностями для Гарве были безопасность и благосостояние государства. Я предлагаю альтернативную интерпретацию позиции Гарве, поскольку полагаю, что в ней большую роль играет ценность политической стабильности. Такая интерпретация позволяет трактовать рассуждения Гарве так, как их оценил Кант, а именно как уступку распространенным принципам политической практики вследствие неудачи в поиске ведущей теории. В результате проведенного исследования установлено, что вероятная роль сочинения Гарве в создании Кантом трактата «К вечному миру» была значительнее, чем можно судить со слов самого Канта. Кроме того, я показываю, что именно под влиянием Гарве Кант обращается к проблеме чрезмерной сложности принципов для поиска конкретных политических решений. Гарве явным образом сетует на эту сложность и сам же делает эти принципы еще более сложными. Кант предлагает для этой проблемы более простое решение на основе своей теории морали и права.

Ключевые слова: Гарве, Кант, «популярная философия», моральная политика, вольфианство, британский эмпиризм, шотландское Просвещение, консерватизм, эвдемонизм, утилитаризм.

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 29.12.2019 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-3
© Зильбер А.С., 2020.

**INADVISABLE CONCESSION:
KANT'S CRITIQUE OF THE POLITICAL
PHILOSOPHY OF CHRISTIAN GARVE**

A.S. Zilber¹

The starting point of my study is Kant's remark to the effect that Garve in his treatise on the connection between morality and politics presents arguments in defence of unjust principles. Recognition of these principles is, according to Kant, an inadvisable concession to those who are inclined to abuse it. I interpret this judgement by making a detailed comparison of the texts of the two treatises. I demonstrate that Garve's work is an eclectic attempt to combine in one concept the lessons of historical experience with the ideas drawn from British empiricism and German rationalism. These ideas were criticised by Kant in his "critical" period. There is a consensus among researchers that Garve condoned the expansionist policy of Frederick II of Prussia, totally denied that legality in international relations was possible and in general deserved the reputation of an (ultra-)conservative. From that point of view the key values for Garve were the security and well-being of the state. I offer an alternative interpretation of Garve's position because I believe that the value of political stability plays an important role in it. Such an interpretation makes it possible to treat Garve's narrative as it was assessed by Kant, i.e. as a concession to the common principles of political practice as a result of a failure to find the guiding theory. My study has established that the role of Garve's work in the writing of Kant's treatise *Toward Perpetual Peace* was more significant than Kant's own words suggest. Besides, I show that it was under Garve's influence that Kant turned to the problem of excessive complexity of the principles involved in the search for concrete political decisions. Garve obviously laments this complexity and yet makes these principles still more complex. Kant offers a simpler solution of the problem on the basis of his theory of morals and right.

Keywords: Garve, Kant, popular philosophy, moral politics, Wolffianism, British Empiricism, Scottish Enlightenment, conservatism, eudemonism, utilitarianism.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandra Nevskogo Street, Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 29.12.2019.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-3
© Zilber A.S., 2020.

Христиан Гарве (1742–1798) известен как оппонент Канта прежде всего в этике. Критику моральной философии кёнигсбергского философа он изложил в «Опытах о различных предметах из морали, литературы и общественной жизни» (Garve, 1792). Ответ Канта представлен в первом разделе трактата «О поговорке: Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793). Гарве выступал сторонником гетерономной (по Канту) этики эвдемонизма и морального чувства, а Кант защищал этику долга и принципы автономии морали. Менее известен более поздний отклик Канта на сочинение Гарве о политике. Излагая в трактате «К вечному миру» (1795) пункты «расхождения между моралью и политикой» и пути преодоления этого расхождения, Кант указывает, что доводы в пользу ряда несправедливых принципов можно найти в сочинении Гарве «Трактат о связи морали с политикой» (AA 08, S. 385; Кант, 1994б, с. 475; Garve, 1788a).

Соотношение идей Гарве и Канта в контексте политики и правовой мысли XVIII в. наиболее полно освещено в работах М. Штоллайса (Stolleis, 1972) и Г. Каваллара (Cavallar, 1992). Дополняя друг друга, они сходятся в общей оценке: позиция Гарве проигрышная как в свете позиции Канта, так и — добавлю от себя — с точки зрения современного читателя, причем ее сочли бы таковой, скорее всего, даже сторонники политического реализма. Я предлагаю переосмысление доводов Гарве с более многозначной и многоплановой оценкой. Она ближе к точке зрения его эпохи, в интеллектуальном мире которой Гарве был одной из центральных фигур. В немецкой философии второй половины XVIII в. ведущие позиции занимало направление «популярной философии», не создавшее самостоятельных теорий, но высоко ценившее светский успех и экономическое благополучие. Я покажу, что рассуждения Гарве эклектичны и опираются на несколько базовых ценностей, соотношение которых он не проясняет полностью. Как следствие, во-первых, остается возможность для различных интерпретаций, а во-вторых, встает проблема чрезмерной сложности предлагаемых принципов, которые к тому же друг другу отчасти противоречат. В заключение я исследую вопрос о решении этой проблемы Кантом.

1. Гарве как представитель «популярной философии»

Кант упоминал Гарве в своих сочинениях исключительно доброжелательно, как честного человека и почтенного ученого, даже брал «под свою

Christian Garve (1742-1798) is known as an opponent of Kant, above all in ethics. He set forth his critique of the Königsberg philosopher's moral philosophy in *Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Literatur und dem gesellschaftlichen Leben* (Garve, 1792). Kant's response is presented in the first part of his treatise *On the Common Saying: 'This May Be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice'* (1793). Garve was a proponent of the heteronomic (Kant's terminology) ethics of eudemonism and moral feeling while Kant upheld the ethics of duty and the principles of autonomy of morals. A later reaction of Kant to Garve's book is less well known. In the treatise *Toward Perpetual Peace* (1795), presenting points of "disagreement between morality and politics" and ways to overcome the disagreement, Kant notes that arguments in favour of some unjust principles can be found in Garve's *Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik* (cf. *ZeF*, AA 08, p. 385; Kant, 1795, p. 108; Garve, 1788a).

The relationship between the ideas of Garve and Kant in the context of politics and legal thought in the eighteenth century is most completely explained in the works of Michael Stolleis (1972) and Georg Cavallar (1992). Complementing each other, they share this common assessment: Garve's is a losing position both in the light of Kant's position and — my own addition — from the viewpoint of the modern reader. Indeed, this would probably be the opinion of the champions of political realism. I propose a reinterpretation of Garve's arguments in a more polysemantic and multi-faceted way. It is closer to the viewpoint of his era in whose intellectual world Garve was one of the central figures. The leading trend in German philosophy in the second half of the eighteenth century was "popular philosophy," which did not produce any independent theories, but prized secular success and economic well-being. I propose to show that Garve's reasoning is eclectic and proceeds from several basic values whose inter-relationship he does not fully clarify. As a result, first, there is room for various interpretations, and second, the problem arises of the excessive complexity of the proposed principles which, furthermore, often contradict one another. In conclusion I look at how Kant solved this problem.

1. Garve as a Representative of "Popular Philosophy"

In his works Kant referred to Garve in very friendly terms as a respectable scholar "championing his heart against his mind" (*TP*, AA 08, p. 285;

защиту его сердце против его ума» (АА 08, S. 285; Кант, 1994в, с. 269). Отношения между ними в переписке бывали непростыми, но с годами становились всё более теплыми (см.: Williams, 2000, p. 177–178). Гарве действительно был одним из самых популярных авторов в немецкой философии того времени, а также — в роли переводчика и комментатора — проводником немецкой публики в мир шотландского Просвещения (Д. Юм, А. Смит, Ф. Хатчeson, А. Фергюсон) и античных авторов (Аристотель, Цицерон). В 1770–1772 гг. Гарве занимал должность внештатного профессора математики и логики в Лейпциге, но покинул ее по состоянию здоровья и остаток жизни провел в родном Бреслау (Вроцлаве), зарабатывая главным образом торговлей книгами.

«Популярным» именуется также то направление в философии, к которому исследователи относят Гарве вместе с такими авторами, как И. Федер, Ф. Гедике, М. Мендельсон, И. Бистер, Ф. Николаи. «Популярная философия» господствовала в Германии в период после смерти Христиана Вольфа (1754) и до признания критической философии Канта в конце 1780-х гг. В трактате о морали и политике черты этого направления, как мы увидим, проявились в полной мере, поэтому Й. ван дер Цанде без оговорок относит Гарве к его представителям, рассуждая именно о политической философии (Zande, 1995, p. 419–420). М. Кюн в более широком контексте характеризует Гарве как довольно самостоятельную фигуру, ставя его в один ряд с И.Г. Ламбертом, И.Н. Тетенсом и докритическим Кантом — авторами, которые осознавали, что назревшая потребность синтеза британского эмпиризма и немецкого рационализма требует переосмысления самых основ теории познания (Kuehn, 1987, p. 46).

Среди общих черт «популярной философии» называют отвержение строгого метода Вольфа, отсутствие обстоятельности и глубины уровня Канта, обилие шуточных критических сентенций (см.: Stolleis, 1972, S. 3). Популяризацию философских идей эти авторы рассматривали как полноценное философствование, радикальные политические идеи эпохи Просвещения они не принимали, а видели роль философии скорее в пропаганде просвещения и небольшой корректировке привычек и увлечений своего времени (см.: Zande, 1995, p. 440). В XIX в. это течение оказалось быстро забыто и получило очень невысокие оценки от историков философии (большую роль в этом сыграла критика со стороны кантианцев). Как отмечает Й. ван дер Цанде, в лучшем случае в их сочинениях видели популяризацию идей Вольфа или предшественни-

Kant, 1793, p. 69). The relationship between the two men in their correspondence was not unclouded, but it grew ever warmer over the years (cf. Williams, 2000, pp. 177-178). Garve was indeed one of the most popular authors in German philosophy of the time and also, as translator and commentator, the guide of the German public in the world of the Scottish Enlightenment (David Hume, Adam Smith, Francis Hutcheson, Adam Ferguson) and antiquity (Aristotle, Cicero). In 1770-1772 Garve was an external professor of mathematics and logic in Leipzig. But he left his position for health reasons and spent the rest of his life in his native Breslau (Wroclaw), making his living as a book seller.

“Popular” also refers to the philosophical trend which, along with Garve, includes such names as Johann Feder, Friedrich Gedike, Moses Mendelssohn, Johann Erich Biester and Friedrich Nicolai. “Popular philosophy” reigned in Germany in the period from the death of Christian Wolff (1754) until the recognition of Kant’s critical philosophy in the late 1780s. Garve’s treatment of morality and politics, as we shall see anon, fully reveals the features of this trend. Therefore Johan van der Zande (1995, pp. 419-420) has no reservations in relating Garve to this trend, especially when it comes to political philosophy. Manfred Kuehn (1987, p. 46), in a broader context, characterises Garve as a fairly independent figure, ranking him with Johann Heinrich Lambert, Johannes Nikolaus Tetens and Kant of the pre-critical period, authors who were aware that the overdue need for a synthesis of British empiricism and German rationalism dictated a rethinking of the very foundations of the theory of cognition.

The often-mentioned common features of “popular philosophy” include rejection of Wolff’s rigorous method, a lack of thoroughness and depth in comparison to those of Kant, abundance of facetious critical sentences (cf. Stolleis, 1972, p. 3). These authors saw popularisation of philosophical ideas as *bona fide* philosophy, rejected radical political ideas of the Enlightenment and considered spreading enlightenment and tweaking the habits and fashions of their time to be the main mission of philosophy (cf. Zande, 1995, p. 440). In the nineteenth century this trend was quickly forgotten, getting very low marks from historians of philosophy (with Kantian critique playing a major role). According to J. van der Zande, their works were seen at best as popularisations of Wolff’s ideas or Kant’s precursors and

ков Канта, в худшем (преимущественно) — просто «макулатуру» (Zande, 1995, p. 419–420). Для современников, однако, «популярная философия» несла «амбициозную гуманистическую программу» формирования образованной и успешной светской личности (Ibid.).

Полное название политического сочинения Гарве, на которое ссылается Кант, — «Трактат о связи морали с политикой. Дополнительные размышления по вопросу о том, насколько применима мораль частной жизни к управлению государством» (Garve, 1788a). Предварительная версия этого трактата под заголовком «Некоторые отрывочные размышления о морали и политике» была опубликована в том же году в качестве приложения к примечаниям Гарве к собственному переводу одного из самых популярных в XVIII в. этических трактатов «Об обязанностях» Цицерона (Garve, 1788b). Этот перевод в издании 1783 г. точно находился в домашней библиотеке Канта (см.: Warda, 1922, S. 46). Объектом моего анализа станут не «Отрывочные размышления», а «Трактат...», поскольку именно на него ссылается Кант. К тому же это сочинение более объемное (полторы сотни страниц) и более четкое по своей структуре и стилистике. Действительно ли оно содержит аргументы, принятие которых перечеркивает весь кантовский миротворческий проект? В трактате «К вечному миру» Гарве упоминается в разделе «Приложение», в котором идет речь о расхождении и согласии между моралью и политикой применительно к вопросу о вечном мире (AA 08, S. 385 Anm.; Кант, 1994б, с. 475 примеч.) и о путях его преодоления. Напомню, в чем Кант видит причины этого расхождения.

2. Кант о расхождении морали и политики

Миротворческий проект Канта в трактате «К вечному миру» содержит ряд политических и правовых требований, которые в целом сводятся к 1) ограничению произвола и распространению правового регулирования в международной политике; 2) ограничению единоличной власти правителей и их стремления наращивать военную и экономическую мощь государств. Отдельными пунктами можно указать распространение во внутренней и внешней политике механизма публичности (включая свободу печати) и практики постепенных реформ на пути приближения политической реальности к кантовскому правовому идеалу, который основан на принципах свободы, равноправия и самостоятельности граждан и государств.

at worst (a more common case) as “a waste of paper” (Zande, 1995, pp. 419-420). For contemporaries, however, “popular philosophy” carried an “ambitious humanistic program” of forming an educated and successful secular personality (*ibid.*).

The full title of Garve’s political treatise referred to by Kant is *A Treatise on the Connection between Morality and Politics. Additional Reflections on the Applicability of the Morality of Private Life to State Governance (Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik...)* (Garve, 1788a). A preliminary version of the treatise, titled “Some Scattered Reflections on the Morality of Politics” (“*Einige zerstreute Betrachtungen über die Moral der Politik*”), was published that same year as a supplement to Garve’s comments on his own translation of *On Duties* by Cicero (Garve, 1788b), one of the most popular ethical treatises in the eighteenth century. The 1783 edition of that translation is known to have been in Kant’s home library (*cf.* Warda, 1922, p. 46). The focus of my analysis will not be *Einige zerstreute Betrachtungen* but the *Abhandlung*, because Kant referred to the latter. Besides, it was more voluminous (one hundred and fifty pages) and had a clearer structure and style. Does it really contain arguments whose adoption would erase Kant’s entire peace-making project? His treatise *Toward Perpetual Peace* mentions Garve in the “Appendix”, which speaks of the disagreement or agreement between morality and politics with respect to perpetual peace (*ZeF*, AA 08, p. 385n; Kant, 1795, p. 108n) and of the ways to overcome it. Let us recap on what Kant sees as the causes of the disagreement.

2. Kant on the Divergence between Morality and Politics

Kant’s peace-making project in the treatise *Toward Perpetual Peace* contains some political and legal requirements which boil down to 1) limiting lawlessness and spreading legal regulation to international politics; 2) limiting the autocracy of the rulers and their wish to build up the military and economic might of their states. Other items range from the spread of the publicity mechanism (including press freedom) to internal and external politics and gradual reform to bring political reality closer to Kant’s ideal of right based on the principles of freedom, equality and the independence of citizens and states.

Реальность XVIII столетия в изображении Канта характеризуется распространением иных принципов — завоевания, удержания и приумножения власти и влияния внутри государства и вовне. Кант называет их общеизвестными принципами: использовать случай к получению власти, отрицать свою вину и ослаблять соперников, сея вражду между ними (AA 08, S. 374—375; Кант, 1994б, с. 443, 445). Эта триада принципов очень созвучна другой, которую Кант приводит через несколько страниц, называя ее «казуистикой лжеполитики»: 1) прагматично уклоняться от соблюдения международных договоров; 2) совершать превентивное нападение на соперника, который обрел превосходящую мощь; 3) отнимать территорию у малых государств в пользу больших (AA 08, S. 385; Кант, 1994б, с. 473, 475). Описывая эту вторую триаду, Кант в сноске ссылается на Гарве, указывая, что в его сочинении содержатся доводы в пользу этих принципов.

Помимо этого, в круг объектов критики Канта входят и более фундаментальные установки. *Эвдемонизм* лежит в основе стремления подчинить принципы справедливости (которые, по Канту, должны быть формальными) конкретным материальным целям из разряда «счастья» государства, понимаемого преимущественно как материальное благосостояние (AA 08, S. 379; Кант, 1994б, с. 455). *Эмпиризм* в политике проявляется в поиске рецептов благополучия в «механизме природы» и опыте истории, которые, увы, не дают однозначных решений (AA 08, S. 377; Кант, 1994б, с. 451). Кроме того, речь идет о склонности не признавать правовой долг и подменять его этическим *благоволением* — и подозревать ту же склонность у окружающих людей (AA 08, S. 375, 386; Кант, 1994б, с. 447, 475). Исторический опыт (равно как и юридическая практика) дает весьма удручающую характеристику человеческому роду и склоняет к скепсису в отношении способности человека к добру и усвоению им идеи права (в дополнение к идеям произвола и принуждения) (AA 08, S. 372, 378; Кант, 1994б, с. 435, 453).

Все эти принципы Кант не связывает воедино напрямую, но, с его точки зрения, их можно связать в большей или меньшей степени с попытками приспособить мораль (и право) к своим (изменчивым) интересам, которым Кант дает общее название «политический морализм» (AA 08, S. 372; Кант, 1994б, с. 435). Альтернативой этому у Канта выступает «моральная политика», основанная на принципе права

Kant's perception of eighteenth-century reality stresses other features, e.g. the gaining, holding and increase of power and influence in and outside the state. Kant describes them as universally known principles: to use the opportunity to gain power, to deny blame and weaken rivals by sowing discord among them (*ZeF*, AA 08, pp. 374-375; Kant, 1795, pp. 98-99). This triad of principles is very consonant with another which Kant presents several pages on, calling it "casuistry of false politics": 1) to pragmatically avoid complying with international treaties; 2) to launch pre-emptive attacks on a rival who has achieved superior might and 3) seizure of the territory of small states by large ones (*ZeF*, AA 08, p. 385; Kant, 1795, p. 108). Describing the second triad, Kant refers to Garve in a footnote noting that his works contain arguments in favour of these principles.

Kant also criticizes some principles of a more fundamental character. *Eudemonism* underlies the wish to subjugate the principles of justice (which Kant believes should be formal) to concrete material purposes that have to do with the "happiness" of the state, understood primarily as material well-being (*ZeF*, AA 08, p. 379; Kant, 1795, p. 102). *Empiricism* in politics manifests itself in the search for recipes of well-being in the "mechanism of nature" and historical experience which, alas, do not offer smooth solutions (*ZeF*, AA 08, p. 377; Kant, 1795, p. 101). One can also mention the penchant to reject legal duty and supplant it with ethical *beneficence* and to suspect that other people have the same penchant (*ZeF*, AA 08, p. 375, 386; Kant, 1795, p. 99, 109). Historical experience (like legal practice) prompts a dismal assessment of the human race and suggests scepticism concerning man's ability to be kind and assimilate the ideas of right (in addition to the ideas of lawlessness and coercion) (*ZeF*, AA 08, p. 372, 378; Kant, 1795, p. 95, 102).

Kant does not directly expressly lump all these principles together, but he believes that they can all, to varying degrees, be linked with attempts to adjust morality (and right) to their (changing) interests to which Kant gives an umbrella name of "political moralism" (cf. *ZeF*, AA 08, p. 372; Kant, 1795, p. 96). Kant's alternative is "moral politics" based on the principles of right as external freedom

как внешней свободы и категорическом императиве морали² (оба — «формальные» принципы). Следование им требует от политиков жертвовать своим эгоизмом ради справедливости. Преодоление очевидной дистанции между реальностью и идеалами Кант мыслит на пути постепенных реформ, образующихся с благоприятными обстоятельствами, и принятия «дозволяющих» законов как предварительных, переходных правовых норм. Соответственно, объектами его критики становятся обскурантистское противодействие всякому улучшению правового строя и патернализм (AA 08, S. 373–374; Кант, 1994б, с. 439, 441).

Описание принципов «политического морализма» имело вполне определенную историческую основу. Оправдание несправедливости ссылками на слабости человеческой природы Кант иллюстрировал анекдотом о Фридрихе II (AA 07, S. 332; Кант, 1994а, с. 375), который в своей внешней политике применял приемы «лжеполитики» (см.: Cavallar, 1992, S. 349–352). В сфере философии некоторые вероятные объекты критики также весьма очевидны: например, «этика успеха» («разумный эгоизм» и «расчетливый эвдемонизм» Гельвеция и Гольбаха), а также вольфианский патернализм, оправданный стремлением к совершенству (см.: Соловьев, 2005, с. 62–71, 136–146). Какую позицию по отношению к этим течениям занимал Гарве и ограничивался ли он обоснованием принципов макиавеллизма?

3. Рассуждения Гарве: содержание и структура

Рассуждения Гарве весьма противоречивы и позволяют по-разному трактовать соотношение выводов из разных частей его сочинения. В его политико-правовых аргументах в полной мере проявилась эклектичность его философии (Stolleis, 1972, S. 30). Если попытаться преодолеть, насколько возможно, имеющиеся противоречия, уточняя соотношение тезисов и расставляя приоритеты, то окажется, что трактат Гарве дает многое для понимания контекста рассуждений Канта о расхождении политики с моралью, поскольку эти тексты перекликаются в целом ряде пунктов.

² В «Метафизике нравов» Кант связывает с политикой только право, но в трактате «К вечному миру» также и мораль, и полемика с Гарве, как я покажу далее, является одной из возможных причин этого.

and the categorical imperative of morals² (both being “formal” principles). These principles require that politicians sacrifice their egoism for the sake of justice. Kant thinks that the obvious gap between reality and ideal can be bridged through gradual reform under favourable circumstances and through adopting *laws of “permissibility”* as tentative and transitional norms. Accordingly, he criticises obscurantist resistance to any improvement of the law-governed state and paternalism (ZeF, AA 08, pp. 373-374; Kant, 1795, p. 97).

The description of the principles of “political moralism” had a historical basis. Kant illustrated the attribution of injustice to human frailties by an anecdote about Frederick the Great (*Anth*, AA 07, p. 332; Kant, 1798, p. 238), who used the methods of “false politics” in his foreign policy (cf. Cavallar, 1992, pp. 349-352). Some obvious targets of criticism in the sphere of philosophy include, for example, “the ethics of success” (“rational egoism” and “calculated eudemonism” of Helvetius and Holbach), as well as Wolffian paternalism, justified by the quest for perfection (cf. Solovyov, 2005, pp. 62-71, 136-146). What was Garve’s position with regard to all these trends and did he confine himself to the principles of Machiavellianism?

3. Garve’s Reasoning: Content and Structure

Garve’s reasoning is rather contradictory and the connection between different parts of his work lends itself to various interpretations. His political-legal arguments amply demonstrate the eclecticism of his philosophy (Stolleis, 1972, p. 30). If one tries, as far as possible, to overcome these contradictions by clarifying the relationship between theses and prioritising them we find that Garve’s treatise goes a long way towards explaining the context of Kant’s reflections on the disagreement between politics and morals, seeing that these texts echo each other on a number of points.

² In *The Metaphysics of Morals* Kant links politics only with right, but in the treatise *Toward Perpetual Peace* also with morality, which may be partly due to the polemic with Garve, as I will demonstrate.

Штоллайс констатирует отсутствие в позиции Гарве универсального критерия для оценки конфликтов (Stolleis, 1972, S. 96–98). Действительно, Гарве полагает единый критерий невозможным по ряду причин, которые Каваллар сводит к трем основным пунктам на уровне международной политики: государства сами себе судьи в обеспечении своей безопасности, между ними невозможны строгие обязательства, и их владения невозможно прочно закрепить (Cavallar, 1992, S. 72–73). Из этого уже можно заключить, что Гарве не предлагает четкого проекта правового регулирования международных отношений. Кант, напомним, отстаивает необходимость исполнения обязательств даже в отсутствие надгосударственного принуждения; в отношении владений он требует придерживаться последнего мирного договора; и, наконец, в качестве если не судебного, то хотя бы совещательного органа предлагает постоянный международный конгресс.

Кант, аргументируя в пользу категорического императива, или «формального принципа», представляет его как простой и ясный политический принцип взамен сложных уроков истории и знания людей (AA 08, S. 377–378; Кант, 1994б, с. 451, 453), а сложность обнаруживается как раз в рассуждениях Гарве, который сам сетует на нее (Garve, 1788a, S. 122). Уточнить правила в связи с конкретными обстоятельствами их применения Гарве также толком не удается — в некоторых случаях вообще якобы трудно судить о справедливости деяний (Ibid., S. 105). Более того, попытки следовать строгой разумной теории, по мнению Гарве, ведут к осуждению всего исторического опыта, что он считает недопустимым. «Спасти» хотя бы ту часть этого опыта, на которую можно ориентироваться, он предполагает признанием исключений и права крайней необходимости (Ibid., S. 3, 4). Таким образом, с первых страниц его сочинения проявляется установка на то, чтобы выводить рекомендации на будущее из успешного опыта прошлого. Перейдем к главным источникам трудности в определении правил.

Первый источник состоит в том, что Гарве считает невозможным установить равные права для граждан и правителей (Ibid., S. 52, 137). У правителей прав больше, их права и обязанности менее четко определены, поскольку их задача — забота о сохранении и о благе всего общества, а не только своем и своих близких (Ibid., S. 53, 137), поэтому вероятный ущерб от их возможного злоупотребления

Stolleis (1972, pp. 96-98) notes that Garve does not have a universal criterion for assessing conflicts. Indeed, Garve believes a single criterion is impossible for several reasons which Cavallar (1992, pp. 72-73) reduces to three main points at the level of international politics: states are their own judges in ensuring their security, binding obligations between them are impossible and their possessions cannot be securely fixed. This already suggests that Garve does not offer a clear project of legal regulation of international relations. Kant, we recall, argues for the need to honour obligations even in the absence of supra-state coercion; with regard to possessions he recommends sticking to the last peace treaty and, finally, he proposes a permanent international congress, if not as a judicial, at least as an advisory body.

Kant, arguing for the categorical imperative, or “the formal principle,” thinks of it as a simple and clear political principle instead of complex lessons of history and knowledge of human nature (cf. *ZeF*, AA 08, pp. 377-378; Kant, 1795, p. 101), while *complexity* is a feature of Garve’s argument (1788a, p. 122), he himself complains about it. Nor does Garve manage to properly adjust the rules in accordance with the concrete circumstances of their use and in some cases it is allegedly hard to judge about the justice of the acts (*ibid.*, p. 105). Moreover, the attempts to follow a rigorous reasonable theory, in Garve’s opinion, leads to the condemnation of all historical experience, which he considers inadmissible. He proposes to “rescue” at least part of this experience as a point of reference by adopting exceptions and the right of extreme necessity (*ibid.*, p. 3, 4). Thus, from the early pages of his work we see a commitment to derive recommendations for the future from successful past experience. Let us now look at the sources of difficulties in setting the rules.

The first source is the fact that Garve thinks it is impossible to establish equal rights for citizens and rulers (Garve, 1788a, p. 52, 137). Rulers have more rights and their rights are less clearly defined because their task is to care about the protection and the well-being of the whole society and not only about their own well-being or that of their close ones (*ibid.*, p. 53, 137). For this reason the probable damage from their possible abuse of their freedom is claimed to be balanced by the amount of possible benefits (*ibid.*, p. 47). Hence the above-mentioned concrete principles: treaties that have become unfa-

своей свободой якобы уравнивается объемом возможной пользы (Ibid., S. 47). Отсюда следуют вышеупомянутые конкретные принципы: договоры, ставшие невыгодными, допустимо нарушать, если речь идет о безопасности целого государства или большинства его жителей (Ibid., S. 43–45); меньшее государство может быть поглощено большим, потому что большие государства имеют преимущество не только физическое, но и моральное, так же как целые общества имеют правовое преимущество перед отдельными людьми (Ibid., S. 48). Точнее, по ходу изложения эти принципы оправдываются неравенством положения и обязанностей, а не выводятся из него. Не скрывается ли за этими якобы гуманными соображениями опора на право силы? Возражение Канта состоит в указании на то, что размер государства не должен быть связан с размером (не)справедливости в отношении него, а уклонение от обязательств по договору подобно иезуитской казуистике (AA 08, S. 344, 383, 385; Кант, 1994б, с. 357, 469, 473).

Каваллар называет доводы Гарве попыткой затуманить безнравственность правителей, придать ей мистический флер (Cavallar, 1992, S. 104). Слабость этих доводов очевидна (табл. 1). К примеру, Гарве обращает внимание на то, что потомки осуждали нанесение ущерба другим государствам только в том случае, «когда поводы к тому были незначительными и опасность была недостаточно велика... или когда позже в состоянии покоя [крупные государства] не стремились восполнить тот ущерб, который они нанесли другим в состоянии крайней необходимости» (Garve, 1788a, S. 48). Кант полагал, что граждане государства непременно осудят намерение своего правительства вступить в войну в случае, если ее можно избежать (AA 08, S. 351; Кант, 1994б, с. 377), и только на уровне правительств «великих держав», которые не смущаются мнением «простых смертных», увеличение могущества какими бы то ни было путями всегда приносит «политический почет» (AA 08, S. 375; Кант, 1994б, с. 445). Гарве же не сомневается, что общественное мнение поддержит короля, если тот «легкомысленно и без веских причин начнет войну, жертвами которой, возможно, станут тысячи людей» (Garve, 1788a, S. 65), поскольку это делается ради интересов государства. Однако в оценке интересов возможны ошибки, ведь точно оценить размеры блага и ущерба от своих решений для государства сами правители не могут (Ibid., S. 53).

vourable can be violated if the security of a whole state or the majority of its citizens is at stake (*ibid.*, pp. 43–45); a smaller state can be absorbed by a larger one because large states have a physical as well as a moral advantage just as societies have a legal advantage over individuals (*ibid.*, p. 48). In other words, as the argument unfolds these principles are justified by inequality of position and obligations rather than being derived from it. Do not these purportedly humane considerations serve as a cover for the use of force? Kant counters by pointing out that the size of a state cannot be linked to the amount of (in)justice within it, and evading obligations under a treaty is similar to Jesuit casuistry (*ZeF*, AA 08, p. 344, 383, 385; Kant, 1795, p. 68, 106, 108).

Cavallar describes Garve's arguments as an attempt to obscure the immorality of rulers by giving it an aura of mystery (Cavallar, 1992, p. 104). The weakness of these arguments is obvious (Table 1). For example, Garve draws attention to the fact that descendants have condemned damage to other states only "when the pretexts were insignificant and the danger was not great [...] or if later, in a state of calm, monarchs did not seek to make up for the damage they had caused others in a state of extreme necessity"³ (Garve, 1788a, p. 48). Kant assumed that the citizens of a state were sure to condemn their government's intention to enter into a war that could be avoided (*ZeF*, AA 08, p. 351; Kant, 1795, p. 75), and it is only at the level of the governments of "great powers" which do not care about the opinion of "the common masses" that increasing the power by whatever means always brings "political honour" (*ZeF*, AA 08, p. 375; Kant, 1795, p. 98). Garve (1788a, p. 65) has no doubt, however, that public opinion would support a king if he "light-heartedly and without a weighty reason starts a war that would claim thousands of victims,"⁴ because this is done in the interests of the state. However, interests may be erroneously assessed since the rulers themselves cannot accurately assess the amount of good or damage their decisions bring to the state (*ibid.*, p. 53).

³ "[...] wenn die Staats-Ursachen nicht wichtig, die Gefahren nicht groß genug gewesen sind, [...] oder wenn die Monarchen nicht in Zeiten der Ruhe gut zu machen suchten, was sie in Zeiten der Noth andern zum Schaden unternommen hatten."

⁴ "[...] einen Krieg leichtsinnig und ohne hinlängliche Ursachen anfängt, opfert vielleicht tausende von Menschen auf."

Таблица 1

Сопоставление избранных тезисов Гарве и Канта

Гарве	Кант
Завоевание территорий может способствовать достижению равновесия сил с другими державами (Garve, 1788a, S. 122)	«Продолжительный всеобщий мир, достигаемый так называемым равновесием европейских держав, есть чистейшая химера подобно дому Свифта, который был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на него сел воробей» (AA 08, S. 312; Кант, 1994в, с. 349)
«Несколько могут объединиться против одного, который не сможет противостоять их соединенным силам: но он может расколоть и союз, если нападет на одного из них и одержит победу» (Ibid., S. 8)	«...более сильная держава опередила бы более слабых, а что касается союза последних, то это только хрупкая тростинка для того, кто умеет пользоваться принципом <i>divide et impera</i> (разделяй и властвуй)» (AA 08, S. 384; Кант, 1994б, с. 471)
Для вскрытия намерений врага правомерны такие средства, как подкуп чужих подданных, похищение документов (Ibid., S. 95), хотя лучше противостоять врагу «мягчайшими» средствами (Ibid., S. 97)	Это «бесчестные военные хитрости», которые подрывают взаимное доверие в будущем состоянии мира (AA 08, S. 346; Кант, 1994б, с. 365)
Недоверие — давняя основа конфликтов и оправдания несправедливости (Ibid., S. 152)	«...Пробабиллизм — стремление ложно приписывать другим злые намерения» (AA 08, S. 385; Кант, 1994б, с. 473)
«Если целые общества имеют правовое преимущество перед отдельными людьми, то большие сообщества также имеют преимущество перед меньшими» (Ibid., S. 53), имеет место «перевес не только физический, но и моральный» (Ibid., S. 47–48)	Государства равны в моральном отношении независимо от своего размера, «незначительность объекта несправедливости не мешает тому, чтобы совершенная по отношению к нему несправедливость была весьма велика» (AA 08, S. 384; Кант, 1994б, с. 471)

Неравноправие людей и государств в рассуждениях Гарве имеет дальнейшее оправдание в заботе о **безопасности**, позволяющей, с его точки зрения, сохранять и умножать *благополучие и счастье*. Безо-

Table 1

Comparison of Selected Theses of Garve and Kant

Garve	Kant
Conquering territories may help to achieve a balance of force with other powers (Garve, 1788a, p. 22).	“For a permanent universal peace by means of a so-called European balance of power is a pure illusion, like Swift’s story of the house which the builder had constructed in such perfect harmony with all the laws of equilibrium that it collapsed as soon as a sparrow alighted on it” (TP, AA 08, p. 312; Kant, 1793, p. 92).
“Several may unite against one who is unable to stand up to their combined forces: but he may split the union if he attacks one of them and scores a victory” ¹ (ibid., p. 8).	“For the greater power would anticipate the actions of the smaller powers, and as concerns the alliance of smaller powers, that would be a feeble reed against a larger state which knows how to avail itself of the tactic of <i>divide et impera</i> [divide and rule]” (ZeF, AA 08, p. 384; Kant, 1795, p. 107).
Such means as bribing alien subjects and stealing documents are legitimate for revealing the enemy’s intentions (ibid., p. 95), although it is better to oppose the enemy by “the softest of means” (ibid., p. 97).	These are “dishonorable stratagems,” which may undermine trust in the future state of the world (ZeF, AA 08, p. 346; Kant, 1795, p. 70).
Mistrust is an old cause of conflicts and justification of injustice (ibid., p. 152).	“[...] probabilism: it invents evil aims which it attributes to others” (ZeF, AA 08, p. 385; Kant, 1795, p. 108).
“If entire societies have a legal advantage over individuals, larger communities also have an advantage over small ones” ² (ibid., p. 53); there is “not only physical but also moral advantage” ³ (ibid., pp. 47-48).	States are equal in moral terms irrespective of their size; “the fact that the object of an unjust action is small does not prevent the injustice done to it from being very great indeed” (ZeF, AA 08, p. 384; Kant, 1795, p. 107).

⁵ “Mehrere können sich gegen Einen verbünden. Ihren vereinigten Kräften zu widerstehen, ist diesem Einen unmöglich: aber er kann ihr Bündniß trennen, wenn er einen derselben zuerst angreift und überwindet.”

⁶ “Wenn ganze Gesellschaften von Menschen, Vorrechte vor einzelnen Menschen haben: so haben auch große Gesellschaften Vorrechte vor kleinen.”

⁷ “Das Uebergewicht ist nicht bloß physisch sondern auch moralisch.”

пасность обеспечивается могуществом (*Macht*) и влиятельностью, точнее равновесием сил. При этом Гарве признает, что «каждый желает ослабить своих противников», а это ведет к неустойчивости (Garve, 1788a, S. 52). Заботу о безопасности он объявляет первым долгом правителей, второй долг состоит в заботе о **стабильности**: «заботиться более о сохранении порядков, нежели об их реформировании» (Ibid., S. 109, см. также S. 78). Неустойчивое состояние означает для Гарве несовершенное (Ibid., S. 91). Привычку он считает самым надежным мотивом доброго поступка (Ibid., S. 66). Более того, переменны к лучшему чреватые смутой, поскольку у каждого улучшения есть противники (Ibid., S. 84, 91). Эта позиция довольно близка установкам патернализма — тому потаканию привычкам и злоупотреблению консервативными склонностями людей, которое осуждал Кант (AA 08, S. 305; Кант, 1994в, с. 329). У Гарве эти установки связаны с ценностью совершенства, перенятой им, без сомнений, из вольфианства³. Совершенство и счастье для Гарве — подлинные цели, а добродетель — средство. Можно предположить, что Гарве согласился бы с тезисом Канта о том, что политические и правовые улучшения следует проводить не слишком поспешно, сообразуясь с благоприятными обстоятельствами, но сам он такую формулировку не предложил.

Противоречивость рассуждений Гарве возникает в попытках сочетать такие ценности, как *безопасность* и *могущество*, *сохранение порядка* и *рост благосостояния*. Для достижения таких сочетаний он формулирует некоторые рецепты. Например, в спокойной обстановке без войн и революций, если не наблюдается приготовлений к войне, следует вести себя спокойно (Garve, 1788a, S. 10, 93). В противном случае следует использовать ситуацию на благо своего государства вплоть до насильственного вмешательства в дела других государств — ведь история показывает несколько успешных примеров такой тактики (Ibid., S. 82). Поскольку же ситуация в Европе того времени была далеко не спокойной, разрешалось, по-видимому, пользоваться исключительными правами. Это приблизительно то, что Кант назвал «прагматически обусловленным правом»: поисками середины между правом и пользой (AA 08, S. 380; Кант, 1994б, с. 461). Гарве подчеркивает, что «высшая причина всякого права — всеобщая польза» (Garve, 1788a, S. 149). Непреложными

³ Штоллайс отмечает, что это вольфианское совершенство — вполне «земное и понятное» (Stolleis, 1972, S. 53).

Inequality of people and states in Garve's argument is further justified by concern for **security** which, in his opinion, makes it possible to preserve and increase *well-being* and *happiness*. Security is ensured by power and influence, more precisely, by the balance of power. Garve (1788a, p. 52) admits that "everyone wants to weaken his rivals,"⁸ which leads to instability. He declares concern for security to be the first duty of rulers, the second being concern for **stability**: "to be more concerned about preserving rather than reforming the state of affairs"⁹(Ibid., p. 109, cf. p. 78). For Garve an unstable condition is an imperfect condition (Ibid., p. 91). He considers habit to be the most reliable basis of a good deed (Ibid., p. 66). Indeed, changes for the better are fraught with trouble because every improvement has its enemies (Ibid., p. 84, 91). This attitude is quite similar to the principles of paternalism, the humouring of habits and indulging people's conservative inclinations which Kant condemned (TP, AA 08, p. 305; Kant, 1793, p. 86). Garve associates these attitudes with perfectionism which he undoubtedly borrowed from Wolffism.¹⁰ For Garve perfection and happiness are true purposes while virtue is a means. Garve would probably have agreed with Kant's thesis that political and legal improvements should not be made with undue haste and should be consistent with favourable circumstances, but he did not himself come forward with such a formula.

Contradictions in Garve's reasoning stem from attempts to combine such values as *security* and *might*, *maintaining order* and *growing prosperity*. He formulates some recipes to achieve such combinations. For example, in a calm situation without wars and revolutions, unless preparations for war are underway, one should behave calmly (Garve, 1788a, p. 10, 93). Otherwise the situation should be used for the good of the state, not stopping short of violent interference in the affairs of other states — history offers several examples of the successful use of such tactics (Ibid., p. 82). Since the situation in Europe at the time was far from calm, apparently availing oneself of exclusive rights was allowed. This is roughly what Kant called "pragmatically conditioned right," the search for a middle way between right and utility (ZeF, AA 08, p. 380; Kant, 1795, p. 104). Garve

⁸ "Jeder ist auf Schwächung seiner Rivalen bedacht."

⁹ "[...] für Aufrechterhaltung der Dinge eher als für Reformierung derselben zu sorgen."

¹⁰ Stolleis (1972, p. 53) notes that this Wolffian perfection is quite "earthly and understandable."

законами он полагает только законы экономики, из которых выводит неизбежность торговых войн, а значит, и периодов враждебности между народами, что снижает шансы на соблюдение правовых границ (Garve, 1788a, S. 136). «Умышленное причинение ущерба абсолютно непозволительно. Ущерб, причиняемый неумышленно, когда ищут своей выгоды в рамках признанных законов, не является несправедливостью» (Ibid., S. 140).

Эта группа принципов и ценностей преобладает в содержании первой половины трактата⁴. Во второй половине Гарве словно спохватывается и заявляет, что он вовсе не наделяет суверенов столь большой свободой, которую им приписывают якобы с его слов (Garve, 1788a, S. 127). Он признает, что нарушения правил не всегда продиктованы обстоятельствами и нередко свидетельствуют о потакании личным склонностям (Ibid., S. 89), что непрошеное вмешательство в чужие дела — это деспотизм под маской защиты свобод (Ibid., S. 74). Подробному разбору подвергается (выражаясь словами Канта) допустимость «поглощения малого государства» (AA 08, S. 385; Кант, 1994б, с. 475). Оказываясь, все перечисленные выше основания отнюдь не достаточны для этого даже при благоприятных обстоятельствах, таких как одобрение народа присоединяемой провинции или страны. Во-первых, трудно точно соотнести выгоду и ущерб. Во-вторых, любая перемена границ — это нарушение спокойствия и тем самым угроза безопасности. Наконец, в экономическом измерении объединение и присоединение могут попросту не требоваться, если и без них торговля идет хорошо (Garve, 1788a, S. 133–135): например, в Европе есть малые государства, которые избежали поглощения, в чем заслуга их самих (Ibid., S. 128). Более того, Гарве отбрасывает свои прежние жалобы на нестабильность и несовершенство международных отношений в современной ему Европе и призывает свято блюсти те договоры, которые сформировали европейскую систему равновесия (Ibid., S. 90).

По оценке Штоллайса (Stolleis, 1972, S. 94–96), Гарве принципиально исключает правовое состояние межгосударственных отношений, поэтому миротворческие надежды ему остается возлагать

⁴ Я придерживаюсь именно этой интерпретации в противоположность мнению Каваллара о том, что Гарве вначале провозглашает тезис о недопустимости завоеваний, однако в ходе дальнейших размышлений отклоняет его (Cavallar, 1992, S. 354).

(1788a, p. 149) stresses that “the highest reason of every right is general utility.”¹¹ He believes that only economic laws are inviolable. From these he derives the inevitability of trade wars, hence periods of hostility between nations, which reduce the chances of legal limits being observed (*ibid.*, p. 136). “Causing deliberate damage is absolutely impermissible. Unpremeditated damage, when one’s own advantage is sought within accepted law, is not an injustice”¹² (*ibid.*, p. 140).

This group of principles and values dominates the first part of the treatise¹³. In the second part Garve, as if remembering something, says that he does not by any means vest sovereigns with greater freedom than that ascribed to them, invoking his own alleged words (Garve, 1788a, p. 127). He concedes that violations of rights are not always prompted by circumstances and often are signs of indulging personal leanings (*ibid.*, p. 89); that unbidden interference in others’ affairs is despotism under the guise of protecting freedoms (*ibid.*, p. 74). The admissibility of what Kant called “the swallowing up of a smaller state” (*ZeF*, AA 08, S. 385; Kant, 1795, p. 108) comes in for detailed discussion. It turns out that the above-mentioned grounds are not sufficient for this even under favourable circumstances, such as the approval of the people of the province or country being “swallowed up.” First, it is hard to compare benefits and damage. Second, any change of borders violates tranquility and therefore threatens security. Finally, from the economic point of view, unification and annexation may simply be unnecessary if trade is going well as it is (Garve, 1788a, pp. 133–135): for example, in Europe there are small states which have avoided being swallowed up and they themselves must take the credit for this (*ibid.*, p. 128). Indeed, Garve casts aside his former complaints about instability and imperfect international relations in Europe of his time and urges scrupulous adherence to the treaties which have formed the European balance (*ibid.*, p. 90).

¹¹ “*der höchste Grund aller Rechte ist der allgemeine Nutzen.*”

¹² “*Absichtlich zu schaden ist niemals erlaubt. Der Schaden den man unwissend anrichtet, indem man nach zugestandnen Gesetzen seine Vortheile sucht, ist kein Unrecht.*”

¹³ I adhere to this interpretation contrary to Cavallar’s position (1992, p. 354) that Garve first proclaims inadmissibility of conquests and then withdraws this thesis in the course of further reflections.

на прогресс культуры, усиление международных связей и воспитание правителей, о чем он действительно пишет (Garve, 1788a, S. 147 и далее). Он видит у людей задатки к культурному, в том числе моральному, прогрессу (Ibid., S. 117–118) и особо отмечает некие очевидные миротворческие заслуги философии (Ibid., S. 149). Но воспитание правителей заранее обречено на провал: привить им моральные чувства крайне трудно, поскольку их мало, их привязанность к традиционным решениям велика, а задачи, встающие перед ними, зачастую необычны, требуют нестандартных решений и пробуждают различные страсти (Ibid., S. 66, 96). Вместе с тем правовые институты в глазах Гарве не настолько бесполезны, как это может показаться. Он не прекращает рассуждать о них на протяжении всего сочинения, хотя и сохраняет при этом свою обычную нерешительность, сомнения и оговорки по поводу всего и вся.

Одним из самых перспективных правовых решений Гарве считает *международный договор*, некую «конвенцию европейских властей», которая объявит ничтожными все прежние претензии и урегулирует пункты вероятных претензий (Garve, 1788a, S. 28, 38). Стороны такого соглашения признали бы друг друга судьями и гарантами (Ibid., S. 89). Надежность подобных договоров Гарве считает невысокой, поскольку влияние соображений выгоды невозможно устранить (Ibid., S. 46), и в отношении нарушителей договора он предусматривает силовые санкции (Ibid., S. 87), что снова означает войну (Кант в своей концепции договора таких санкций уже не предполагал).

Помимо международного договора Гарве рассуждает о сдерживающем влиянии *публичности* на политику, пытаясь представить, как будут выглядеть действия политиков в глазах «света» (Welt) или «перед всей публикой»⁵ (Garve, 1788a, S. 47, 75). Для оценки конкретных поводов к войне, рассуждает он, требуется знание истории, но оценка государственного интереса, его соразмерности планируемым действиям, шансов на успех и вероятного вклада в «общее благо Европы» по силам очень многим понимающим людям. Несправедливость намерения политиков стала бы очевидной и непременно вызвала бы негодование и порицание со стороны пу-

⁵ Правда, ранее Гарве утверждал, что публика не видит несправедливости в жертвовании некоторыми гражданами ради интересов государства, то есть большинства (Garve, 1788a, S. 65).

According to Stolleis (Stolleis, 1972, pp. 94-96), Garve (1788a, p. 147 *et passim*) rules out on principle the legal status of inter-state relations, so that he has to pin peace-making hopes on cultural progress and stronger international links, not forgetting the education of the rulers! He thinks people are ready for cultural, including moral, progress (*ibid.*, pp. 117-118) and notes some evident contributions of philosophy to peace-making (*ibid.*, p. 149). But educating the rulers is doomed to failure. It is very hard to instil moral feelings into such persons because there are few of them and they are wedded to traditional solutions. The tasks facing them are often unusual and call for unconventional decisions, evoking various passions (*ibid.*, p. 66, 96). At the same time, legal institutions, Garve notes, are not as useless as they might seem. He continues to discuss them throughout his work although he is still his own hesitant and doubting self, given to making reservations about all and sundry matters.

Garve believes that one of the most promising legal solutions is *an international treaty*, “a convention of European authorities,” which would annul all previous claims and settle the points of probable claims (Garve, 1788a, p. 28, 38). The parties to such an agreement would recognise one another as judges and guarantors (*ibid.*, p. 89). Garve does not consider such treaties to be very reliable because the pursuit of advantage would not go away (*ibid.*, p. 46), so he envisages military sanctions against transgressors (*ibid.*, p. 87), which would mean war (Kant no longer envisaged such sanctions in his conception of the treaty).

In addition to the international treaty Garve discusses the restraining influence of *publicity* on politics and tries to imagine how the actions of politicians would look in the eyes of “the world” (Welt) or “the whole public” (Garve, 1788a, p. 47, 75).¹⁴ To assess the concrete *casus belli*, he argues, one has to know history, but very many knowledgeable people are able to assess state interest, its correspondence to planned actions, the chances of success and possible contribution to the “common weal of Europe.” The injustice of the politicians’ intent would become evi-

¹⁴ True, earlier Garve (1788a, p. 65) claimed that the public sees no injustice in sacrificing some citizens for the sake of the state, that is, the majority.

блики (*Ibid.*, S. 75–76). Эта мысль сформулирована менее четко, чем «негативный» принцип публичности у Канта⁶, но по сути почти совпадает с ним и вполне могла быть одним из его прообразов, если только абстрагироваться от того факта, что Гарве неразрывно связывает оценку справедливости намерения с оценкой соответствия этого намерения государственному интересу и общему благу.

4. Кантова критика рассуждений Гарве в политико-философском контексте

Комбинация идей в трактате Гарве оригинальна, чего нельзя сказать о каждой из них в отдельности. Различение двух уровней «морали» Гарве заимствовал, по оценке Каваллара, из трактата Фридриха II «Антимакиавелли» (1740), что особенно заметно при обращении к книге Гарве «Фрагменты к портрету мысли, характера и правления Фридриха Второго» (Garve, 1789; Cavallar, 1992, S. 348, 354–355). Каваллар отмечает, что Фридрих на уровне риторики выказывает критическое — нередко нарочитое — отношение к принципам макиавеллизма, однако, по сути, используя многочисленные оговорки, «оставляет открытыми лазейки» для их применения. У Гарве конкретные принципы допустимости нарушения договоров, превентивного нападения и поглощения малых государств открыто иллюстрируются политикой Фридриха II, которого он именует «благоразумным государственным мужем» (Garve, 1788a, S. 46). Оценивать это можно не иначе как оправдание конкретных деяний этого императора. К примеру, речь идет о начале Семилетней войны — нападении Пруссии на Саксонию в 1756 г., которое было представлено Фридрихом как случай крайней необходимости по упреждению нападения (см.: Stolleis, 1972, S. 17–18).

Что касается фундаментальных политических принципов, то Р. Маликс поставил Гарве в ряд консервативных критиков трактата Канта «О поговорке...», которые предпочитали выводить политические принципы из опыта и не принимали тезисов о правовой свободе и о значении теории для практики (Maliks, 2014, p. 9, 55, 56). При этом Маликс

⁶ В краткой формулировке два принципа публичности у Канта могут звучать так: 1) намерение, требующее утаивания для своей реализации, — несправедливо (AA 08, S. 381; Кант, 1994б, с. 463); 2) намерение, требующее разглашения, — справедливо (AA 08, S. 386; Кант, 1994б, с. 477).

dent and would surely cause an outcry and condemnation of the public (*ibid.*, p. 75-76). This idea is less clearly articulated than Kant's "negative" principle of publicity,¹⁵ but essentially it is identical to it and might well have been a precursor if one leaves aside the fact that Garve links assessment of the justice of intent with assessment of the correspondence of intent to state interest and the common weal.

4. Kant's Critique of Garve's Reasoning in a Political-Philosophical Context

The combination of ideas in Garve's treatise is original, though the same cannot be said of each of them separately. Cavallar claims that Garve borrowed the distinction between two levels of morality from Frederick II's treatise *Anti-Machiavel* (1740), which is particularly noticeable if one turns to Garve's book *Fragments Describing the Spirit, Character and Government of Frederick II* (*Fragmente zur Schilderung des Geistes, des Charakters, und der Regierung Friedrichs des Zweyten*) (Garve, 1789; Cavallar, 1992, p. 348, 354-355). Cavallar notes that on the rhetorical level Frederick is critical — often pointedly so — of the principles of Machiavellianism, but he makes many reservations "leaving loopholes" for their use. Garve openly uses the policy of Frederick II, whom he calls "a judicious statesman,"¹⁶ to illustrate the specific principles of permissibility of violation of treaties, pre-emptive attack and absorption of small states (Garve, 1788a, p. 46). This is nothing if not a condoning of that monarch's concrete deeds. One example is the Seven Years' War, Prussia's attack on Saxony in 1756, which Frederick the Great presented as a case of dire necessity to pre-empt an attack (*cf.* Stolleis, 1972, pp. 17-18).

As regards fundamental political principles, Reidar Maliks (2014, p. 9, 55, 56) identifies Garve with conservative critics of Kant's treatise *On the Common Saying*, who preferred to construct political principles from experience and rejected the theses on legal freedom and the importance of theory for practice. Maliks draws attention to the fact that

¹⁵ In a nutshell, Kant's two principles of publicity may be put like this: 1) an intention that needs to be concealed to be implemented is unjust (*ZeF*, AA 08, p. 381; Kant, 1795, p. 104); 2) an intention that needs to be declared is just (*ZeF*, AA 08, p. 386; Kant, 1795, p. 109).

¹⁶ "[...] kluge Staatsmann [...]."

обращает внимание на то, что все эти оппоненты Канта (Ф. Генц, А.В. Реберг, Ю. Мёзер), кроме Гарве, были госслужащими — и представляли, таким образом, «инсайдерскую» позицию самой политики. Ф. Оз-Зальцбергер высказывается в том же ключе еще более определенно: после трактата о связи морали с политикой Гарве приобрел репутацию «ультраконсервативного» защитника «благонравного деспотизма, собственности, социального и политического статус-кво» (Oz-Salzberger, 1995, p. 209).

По оценке Штоллайса, Гарве пытался свести воедино три направления мысли: 1) теорию баланса сил и государственного интереса, господствовавшую в Вестфальской системе, а также принцип естественного права на войну; 2) вольфианское понимание добродетели как средства достижения совершенства и счастья, стремление к стабильности как проявлению совершенства и представление о главе государства как главе семьи, который несет ответственность только перед Богом и своей совестью; 3) установки британского эмпиризма, философии здравого смысла и теории морального чувства на прагматичное извлечение опыта из уроков истории (Stolleis, 1972, S. 49–50). В отношении приверженности Гарве соображениям полезности Штоллайс отмечает, что «Трактат» 1788 г. опубликован почти одновременно с «Введением в основания нравственности и законодательства» И. Бентама, которое увидело свет в 1789 г., хотя было написано в 1780 г. Г. Уильямс также указывает на близость Гарве к утилитаризму (Williams, 2000, p. 189). Если Гарве считал, что в случае правовой неясности дело всегда можно прояснить соображениями пользы, особенно «всеобщей и определенной» (Garve, 1788b, S. 54; см.: Cavallar, 1992, S. 354), то Кант, по крайней мере в трактате «К вечному миру», между правом и пользой поставил мораль (AA 08, S. 378; Кант, 1994б, с. 453).

Что касается известных откликов современников (до 1795 г.) на трактат Гарве, реакция была различной (Stolleis, 1972, S. 11, 23, 25). Размытость понятий счастья и благоволения, а также критериев справедливости не устраивала одних читателей, для других была понятна и приемлема (см.: Cavallar, 1992, S. 355). Штоллайс отмечает сходство в рассуждениях о «счастье» у Гарве и у прусского придворного юриста эпохи Фридриха Вильгельма II К.Г. Свареца (1746–1798), который был одним из авторов-составителей патерналистского «Всеобщего свода прусских законов» (1794). Сва-

all these opponents of Kant (Friedrich Gentz, August Wilhelm Rehberg, Justus Möser), except Garve, were civil servants and therefore represented the “insider” position of politics. Fania Oz-Salzberger (1995, p. 209) speaks in the same vein, but still more forcefully: after the treatise on the connection between morality and politics Garve acquired the “reputation of an ‘ultra-conservative’, a defender of benevolent despotism, property and the social and political *status quo*.”

According to Stolleis (1972, pp. 49-50), Garve tried to combine three currents of thought: 1) the theory of the balance of power and state interest that dominated the Westphalian system as well as the principle of the natural right to make war; 2) the Wolffian concept of virtue as a means of achieving perfection and happiness, the quest of stability as a manifestation of perfection and the idea of the head of state as the head of a family who is responsible only to God and his conscience; 3) the principles of British empiricism, the philosophy of common sense and the theory of moral feeling based on pragmatic extraction of experience from the lessons of history. On Garve’s adherence to considerations of utility Stolleis notes that the *Abhandlung* (Garve, 1788a) was published almost simultaneously with *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* by Jeremy Bentham, which saw the light of day in 1789, although it was written in 1780. Howard Williams also notes that Garve is close to utilitarianism (Williams, 2000, p. 189). While Garve (1788c, p. 54; cf. Cavallar, 1992, p. 354) believed that in the event of legal uncertainty things could always be cleared up by bringing in considerations of utility, especially if it is “universal and definite,”¹⁷ Kant, at least in his treatise *Toward Perpetual Peace*, put morality between right and utility (ZeF, AA 08, p. 378; Kant, 1795, p. 101).

As for known opinions of contemporaries (prior to 1795) about Garve’s treatise, reactions varied (Stolleis, 1972, p. 11, 23, 25). The vagueness of the concepts of happiness and beneficence, as well as the criteria of justice, while being found wanting by some readers, was understandable and acceptable for others (cf. Cavallar, 1992, p. 355). Stolleis notes the similarities between the reflections on

¹⁷ Cf. “Wenn das Recht ungewiß, und der Nutzen allgemein und gewiß ist: so kann der Nutzen entscheiden.”

рец более определенно и последовательно выразил ту установку, которую можно вывести из размышлений Гарве: решаться на военные действия изредка, как на крайнюю меру, только ради блага государства и не поддаваясь влиянию страстей (Stolleis, 1972, S. 66–69).

Все упомянутые установки и философские направления, которым следовал Гарве, были известны Канту в большей или меньшей степени⁷, и все они были подвергнуты им критике в различных сочинениях 1780–1790-х гг. Это касается и политических стратегий Вестфальской системы, и вольфианства, и эмпиризма. Не избежал критики и прусский король Фридрих II⁸. Кант высоко оценивал успехи и просветительский дух его внутренней политики, но при разборе принципов «лжеполитики» в международных отношениях он подразумевает именно явное оправдание действий Фридриха в сочинении Гарве. Уильямс полагает, что влияние Гарве можно обнаружить уже в трактате «О поговорке...», а именно в обращении Канта к широкому кругу вопросов соотношения политической теории и практики. В частности, внимание к позиции Гоббса во втором разделе трактата, по мнению Уильямса, тоже могло быть следствием этого, поскольку «несамостоятельный и эклектичный характер размышлений Гарве ведет к Гоббсу» (Williams, 2000, p. 185).

Сопоставление основных ценностей и предложений Гарве и Канта по итогам моего анализа представлено в таблице 2. Развертывание кантовской части пунктов этой таблицы — немалая и важная часть аргументации в трактате «К вечному миру». Его содержательное пересечение с тематикой трактата Гарве оказывается весьма велико, так что в результате встает вопрос о широте возможного влияния.

⁷ Это касается и принципа *peccatum philosophicum* (лат. «философский грех»), который в данном контексте обозначает у Канта поглощение малого государства большим якобы для общего блага (AA 08, S. 385; Кант, 1994б, с. 475). Вопреки мнению Штоллайса (Stolleis, 1972, S. 79), Кант узнал об этом принципе не из трактата Гарве: тот вовсе не упоминает латинские названия ни для одной из обсуждаемых трех максим. Кант, скорее всего, давно знал об этих принципах и об их традиционном именовании хотя бы потому, что к 1788 г. он уже не первый десяток лет, пусть и не каждый год, читал курс философии права.

⁸ Оз-Зальцбергер называет Кантову критику «реальной политики» Фридриха «в высшей степени показательной» (Oz-Salzberger, 1995, p. 209).

“happiness” by Garve and Carl Gottlieb Svarez (1746–1798), court lawyer to Frederick William II of Prussia who co-authored the paternalistic *General State Laws for the Prussian States* (*Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten*, 1794). Svarez articulated more consistently and definitely the position which can be derived from Garve’s reflections: resort to military actions infrequently as an extreme measure, only for the good of the state and without being swayed by passions (Stolleis, 1972, pp. 66-69).

Kant was more or less aware of all the positions and philosophical trends followed by Garve,¹⁸ and he managed to criticise all of them in various works in the 1780s and 1790s. This is also true of the political strategies of the Westphalian system, Wolffianism and empiricism. Frederick the Great of Prussia was not spared criticism.¹⁹ Kant had high regard for the successes and the enlightenment spirit of his domestic policy, but in analysing the principles of “false politics” in international relations he refers to the obvious justification of Frederick’s actions in Garve’s book. Williams (2000, p. 185) believes that Garve’s influence can already be detected in the treatise *On the Common Saying*, viz. in Kant’s addressing a wide range of issues of the relationship between political theory and practice. In particular, in the opinion of Williams this may account for the attention to the position of Thomas Hobbes in the Second Section of the treatise because “the derivative and eclectic nature of Garve’s thinking [...] led to Hobbes” (*ibid.*).

A comparison of the core values and proposals of Garve and Kant based on my analysis is presented in **Table 2**. Unfolding of the Kantian part of the table is no small part of the argument in *Toward Perpetual Peace* and it is an important one. It overlaps in many ways with the Garve treatise prompting the question about the extent of possible influence.

¹⁸ This applies to the principle of *peccatum philosophicum* (literally “philosophical sin”), which in Kant’s context refers to the swallowing up of a small state by a large one allegedly for the common good (*ZeF*, AA 08, p. 385; Kant, 1795, p. 108). Contrary to Stolleis (Stolleis, 1972, p. 79) Kant did not learn about this principle from Garve’s treatise (Garve never uses Latin names in discussing any of the three maxims). Kant, more likely than not, had long known these principles and their traditional designations, if only because by 1788 he had been lecturing on the philosophy of law for decades, albeit intermittently.

¹⁹ Oz-Salzberger (1995, p. 209) describes Kant’s critique of Frederick’s *Realpolitik* as “the most telling.”

Таблица 2

**Итоговое сопоставление базовых ценностей
и миротворческих предложений Гарве и Канта**

Гарве	Кант
Неравенство прав, благоволение	Равноправие, долг
Опыт истории	Чистая идея права и развитие моральных задатков
Безопасность как равновесие сил	Безопасность как свобода и самостоятельность
Благо, процветание и польза	Справедливость
Стабильность, совершенство	Постепенное улучшение
Международные договоры	
Публичное объявление намерений до принятия решений	

Примечательна сама последовательность тем в рассуждениях Гарве и Канта. Гарве рассуждает о потенциале международных договоров, затем о допустимости их нарушения, далее — о потенциале публичности, о сдерживании произвола с помощью стремления к стабильности и совершенству, а также с помощью предостережений о сложности подсчета выгоды. Кант презентует весь свой трактат в форме договора с гарантом в лице самой природы, и за пунктами этого договора следует «приложение» — отдельное обсуждение, в котором тесно связаны темы воплощения идеалов, порядка и развития, соблюдения прав и политической публичности. Неявную отсылку к Гарве можно усмотреть также в самой постановке Кантом вопроса о соотношении политики именно с моралью, а не только с правом, как этого можно было ожидать исходя из принципов его системы⁹. Даже в стиле «приложения» Кант словно перенял у Гарве изложение в духе непрерывных сомнений, не отступая при этом от своих убеждений.

Речь не идет и не может идти о том, что сочинение Гарве о политике и морали стало для Канта единственным побудителем к написанию трактата «К вечному миру». Широкое тематическое пересечение трактатов Гарве и Канта говорит о том, что оба сочинения глубоко укоренены в контексте своей эпохи, что их авторы постарались охватить широкий круг насущных вопросов. Поэтому не следу-

⁹ Уже в трактате «О поговорке...» Кант различает принципы права и морали, хотя еще только мимоходом.

Table 2

**Final Comparison of the Core Values and Worldview
Propositions of Garve and Kant**

Garve	Kant
Inequality of rights, beneficence	Equality, duty
Historical experience	The pure idea of right and development of moral predispositions
Security as balance of powers	Security as freedom and independence
Happiness (wellbeing), prosperity, benefit	Justice
Stability, perfection	Gradual improvement
International treaties	
Public declaration of intent prior to decision-making	

The sequence of topics in the reasoning of Garve and Kant is worth noting. Garve speaks about the potential of international treaties, then about the admissibility of breaking them and then about the potential of publicity, about restraining lawlessness through a striving towards stability and perfection as well as through warnings about the complexity of calculating benefits. Kant presents his entire treatise as a treaty with the guarantor in the shape of nature itself, with the items in the treaty followed by an “Appendix” (a separate discussion in which the themes of implementation of ideals, order and development, respect of rights and public politics are closely interlinked). The fact that Kant raises the question of the relationship between politics and morality (and not anything else, as one might expect proceeding from the principles of his system) can be seen as an oblique reference to Garve.²⁰ Even in the “Appendix” Kant seems to have adopted Garve’s style marked by constant questioning, without, however, compromising his convictions.

Far be it from me to suggest that Garve’s treatise on politics and morality was the only impulse to write the treatise *Toward Perpetual Peace*. The extensive thematic overlap between the treatises of Garve and Kant shows that both works are deeply rooted in the context of their epoch, and that their authors attempted to cover a wide range of pressing issues.

²⁰ Kant distinguishes the principles of right and morality already in the treatise *On the Common Saying*, albeit he does so in passing.

ет переоценивать влияние Гарве на Канта. Однако оно, скорее всего, больше, чем можно судить со слов самого Канта.

Почему Кант в сноске характеризует рассуждения Гарве как нежелательную уступку, хотя в основном тексте называет те принципы, которые Гарве поддерживает, «иезуитской казуистикой»? Исследователи не придают особого значения фразе об уступке, трактуя ее, видимо, как проявление вежливости и не более того. По словам Канта, Гарве признал несправедливые принципы «на том основании, что нельзя полностью опровергнуть выдвинутые против них возражения», и в этом состоит нежелательная (чрезмерно большая) уступка «по отношению к тем, кто весьма склонен злоупотреблять» этими принципами (AA 08, S. 385; Кант, 1994б, с. 475). Таким образом, при всем сходстве тематики двух трактатов Кант не связывает имя Гарве со всеми теми принципами, которые он критикует, а Гарве пытался сочетать, — словно Кант прочел только первую треть его трактата.

Итоги

Штоллайс протягивает главную ось рассуждений Гарве от постулирования невозможности правового состояния в международных отношениях к компенсирующим ее надеждам на прогресс культуры и морали граждан и правителей. Каваллар вдобавок особо отмечает у Гарве явные проявления макиавеллизма. На мой взгляд, надежды на мораль и культуру оказываются самым слабым и малозаметным пунктом у Гарве не только по своей надежности, но и в сравнении с его другими соображениями¹⁰. Кроме того, я придаю большой вес провозглашенной Гарве идее ограничения заботы о могуществе государства консервативными установками и значимость этой идеи считаю главным источником колебаний позиции Гарве, учитывая, что критериями выбора он избирает опыт истории и полезность (выгоду). Наконец, надежды на правовое регулирование и механизмы политической публичности занимают далеко не последнее место в его трактате, несмотря на весь его скепсис в отношении их эффективности. Это означает, что неустойчивая позиция Гарве не сводится к одному только утилитаристскому оправданию опыта истории.

¹⁰ Ввиду наличия этих аргументов у Гарве мы не найдем у него того мрачного натурализма и механицизма, от которых Кант предостерегает в своих рассуждениях о «расхождении между моралью и политикой». Таким образом, в этом конкретном пункте суждения Гарве не могли быть источником для кантовского образа «политического моралиста».

Therefore the influence of Garve on Kant should not be overestimated. However, it is probably greater than Kant's own words suggest.

Why does Kant, in a footnote, describe Garve's reasoning as an inadvisable concession, although in the body of the text he refers to the principles advocated by Garve as "casuistry of false politics"? Researchers tend to be dismissive of the phrase about "a concession", treating it as little more than a show of politeness. According to Kant, Garve had recognised unjust principles "while admitting that one cannot adequately address the objections that can be raised against it," and this constitutes an inadvisable ("greater") concession "to those who would be strongly inclined to misuse" these principles (ZeF, AA 08, p. 385; Kant, 1795, p. 108). Thus, for all the similarity of the themes of the two treatises Kant does not associate Garve's name with all the principles he criticises and Garve tried to combine — it is as if Kant had read only the third part of his treatise.

Conclusion

Stolleis traces Garve's reasoning from positing the impossibility of a legal status in international relations to the compensatory hopes pinned on the progress of culture and morality of citizens and rulers. Cavallar furthermore detects clear signs of Machiavellianism in Garve's narrative. In my opinion, the hopes for morality and culture form the weakest and least notable part of Garve's reasoning not only in terms of reliability, but also in comparison with his other propositions.²¹ Besides, I attach greater significance to the idea of the restriction of concern for the might of the state by conservative principles, I see the ponderability of this idea as the main source of Garve's vacillation, considering that he chooses historical experience and utility (benefit) as criteria of choice. Finally, hopes for legal regulation and the mechanisms of political publicity loom large in his treatise in spite of all his scepticism concerning their efficacy. This means that Garve's wavering is not confined to utilitarian justification of historical experience.

²¹ Because these arguments are present in Garve's treatise we do not find in it the kind of sombre naturalism and mechanicism against which Kant warns in his discourse on "disagreement between morality and politics." Thus, on this specific point Garve's judgements might have been a source of Kant's image of "political moralist."

Гарве называет своим идеалом спокойствие в отношениях между народами, и это могло стать источником утверждения Канта о том, что «политический моралист», как и «моральный политик», стремится к вечному миру, и только средства для этой цели они избирают разные (AA 08, S. 376; Кант, 1994б, с. 449, 451). Гарве колеблется между ценностью чистых принципов, соображениями полезности и интересами правителей. Он запутывается в сложности уроков истории и увлекается ее оправданием, поскольку опыт не поддается четкой и однозначной интерпретации. На мой взгляд, именно в противовес этой очевидной и досадной сложности у Гарве Кант предлагает простое, как он говорит, решение «проблемы государственной мудрости», которое напрашивается «само собой; оно ясно для всякого, посрамляет все ухищрения и ведет при этом прямо к цели» (AA 08, S. 377–378; Кант, 1994б, с. 451–453). Таким образом, в трактате «К вечному миру» Кант, по сути, продолжает полемику с Гарве о морали, начатую в трактате «О поговорке...», убеждая оппонента в том, что понятие долга яснее и проще для практического применения, «чем всякий мотив, почерпнутый из [понятия] счастья», и даже сулит «большой успех» (AA 08, S. 286; Кант, 1994в, с. 271).

Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.
- Кант И. К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994б. Т. 1. С. 354–477.
- Кант И. О поговорке: Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994в. Т. 1. С. 240–351.
- Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
- Cavallar G. Pax Kantiana: systematisch-historische Untersuchung des Entwurfs «Zum ewigen Frieden» (1795) von Immanuel Kant. Wien : Böhlau, 1992.
- Garve Ch. Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik, oder einige Betrachtungen über die Frage, in wiefern es möglich sey, die Moral des Privatlebens bey der Regierung der Staaten zu beobachten. Breslau : bey W.G. Korn, 1788a.

Garve says his ideal is tranquility in international relations which might have prompted Kant's assertion that a "political moralist," like "a moral politician," seek eternal peace, only they choose different means to achieve this goal (*ZeF*, AA 08, p. 376; Kant, 1795, p. 100). Garve is torn between the value of pure principles, utility and the interest of the rulers. He gets entangled in the complexity of historical lessons and gets carried away by justifying it because experience does not lend itself to a clear and unequivocal interpretation. I think it is as a counterweight to this obvious and lamentable complexity that he found in Garve that Kant offers what he calls a solution of "the problem of political wisdom in the state," which suggests itself, "is apparent to everyone, and puts all artificiality to shame, leading as it does directly to the end" (*ZeF*, AA 08, pp. 377-378; Kant, 1795, p. 101). Thus, in the treatise *Toward Perpetual Peace* Kant basically continues the polemic with Garve about morality, started in the treatise *On the Common Saying*, seeking to convince his opponent that "the concept of duty [...] is simpler, clearer" for practical use "than any motive derived from, combined with, or influenced by happiness," and can even "promote success" (*TP*, AA 08, p. 286; Kant, 1793, p. 286).

This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

- Cavallar, G., 1992. *Pax Kantiana: systematisch-historische Untersuchung des Entwurfs "Zum ewigen Frieden" (1795) von Immanuel Kant*. Wien: Böhlau.
- Garve, C., 1788a. *Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik, oder einige Betrachtungen über die Frage, in wiefern es möglich sey, die Moral des Privatlebens bey der Regierung der Staaten zu beobachten*. Breslau: bey W.G. Korn.
- Garve, C., 1788b. *Einige zerstreute Betrachtungen über die Moral der Politik*. In: C. Garve, 1788. *Philosophische Anmerkungen und Abhandlungen zu Cicero's Büchern von den Pflichten. Anm. zu dem dritten Buche*. Wien: bey J.T. Trattner, pp. 157-247.
- Garve, C., 1788c. *Philosophische Anmerkungen und Abhandlungen zu Cicero's Büchern von den Pflichten. Anm. zu dem dritten Buche*. Wien: bey J.T. Trattner.
- Garve, C., 1789. *Fragmente zur Schilderung des Geistes, des Charakters, und der Regierung Friedrichs des zweyten*. Breslau: bey W. G. Korn.
- Garve, C., 1792. *Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Literatur und dem gesellschaftlichen Leben. 1. Teil*. Breslau: bey W.G. Korn.

Garve Ch. Einige zerstreute Betrachtungen über die Moral der Politik // Garve Ch. Philosophische Anmerkungen und Abhandlungen zu Cicero's Büchern von den Pflichten. Anmerkungen zu dem dritten Buche. Wien : bey J.T. Trattner, 17886. S. 157–247.

Garve Ch. Philosophische Anmerkungen und Abhandlungen zu Cicero's Büchern von den Pflichten. Anmerkungen zu dem dritten Buche. Wien : bey J.T. Trattner, 1788в.

Garve Ch. Fragmente zur Schilderung des Geistes, des Charakters, und der Regierung Friedrichs des zweyten. Breslau : bey W.G. Korn, 1789.

Garve Ch. Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Literatur und dem gesellschaftlichen Leben. T. 1. Breslau : bey W.G. Korn, 1792.

Kuehn M. Scottish common sense in Germany, 1768–1800. Kingston ; Montreal : McGill-Queen's University Press, 1987.

Maliks R. Kant's Politics in Context. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Oz-Salzberger F. Translating the Enlightenment: Scottish Civic Discourse in Eighteenth-Century Germany. Oxford : Clarendon Press, 1995.

Stolleis M. Staatsräson, Recht und Moral in philosophischen Texten des späten 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan : Hain, 1972.

Warda A. Immanuel Kants Bücher. Berlin : Martin Breslauer, 1922.

Williams H. Christian Garve and Immanuel Kant: Theory and Practice in the German Enlightenment // Enlightenment and Dissent. 2000. № 19. P. 171–192.

Zande J. van der. In the Image of Cicero: German Philosophy between Wolff and Kant // Journal of the History of Ideas. 1995. Vol. 56, № 3. P. 419–442.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

Для цитирования:

Зильбер А.С. Нежелательная уступка: Кантова критика политической философии Х. Гарве // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 1. С. 58–76. doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-3.

Kant, I., 1793. On the Common Saying: 'This May be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice'. In: I. Kant, 1991. *Political Writings*. Edited by H.S. Reiss. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1795. Toward Perpetual Peace: A Philosophical Sketch. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an Introduction by P. Kleingeld. Translated by D.L. Colclasure. London and New Haven: Yale University Press.

Kant, I., 1798. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated and edited by R.B. Louden, 2006. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuehn, M., 1987. *Scottish Common Sense in Germany, 1768–1800*. Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press.

Maliks, R., 2014. *Kant's Politics in Context*. Oxford: Oxford University Press.

Oz-Salzberger F., 1995. *Translating the Enlightenment: Scottish Civic Discourse in Eighteenth-Century Germany*. Oxford: Clarendon Press.

Solovyov, E. Y., 2005. *Kategoricheskiy imperativ npravstvennosti i prava [Kategorical Imperative of Morality and Law]*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Stolleis, M., 1972. *Staatsräson, Recht und Moral im philosophischen Texten des späten 18. Jahrhunderts*. Meisenheim am Glan.

Warda, A., 1922. *Immanuel Kants Bücher*. Berlin: Martin Breslauer.

Williams, H., 2000. Christian Garve and Immanuel Kant: Theory and Practice in the German Enlightenment. *Enlightenment and Dissent*, 19, pp. 171-192.

Zande, J. van der, 1995. In the Image of Cicero: German Philosophy between Wolff and Kant. *Journal of the History of Ideas*, 56(3), pp. 419-442.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Andrey S. Zilber, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

To cite this article:

Zilber, A.S., 2020. Inadvisable Concession: Kant's Critique of the Political Philosophy of Christian Garve. *Kantian Journal*, 39(1), pp. 58-76. <http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2020-1-3>.